

ПЕРВАЯ ЖЕНА ОСТРОВСКОГО

Статья А. И. Ревякина

Творческий путь Островского весьма тернист. Но особенно трудным было его начало.

Драматург постоянно испытывал острейшую материальную нужду. Его угнетали исключительно тяжелые цензурные притеснения. Ему долго пришлось переносить грубо пренебрежительное отношение дирекции императорских театров. Несколько лет, с 1850 по 1855 г., он находился под двойным надзором — полиции и жандармерии. В связи с этим им была покинута служба в Коммерческом суде, и он существовал на литературные заработки, весьма скудные.

Чтобы превозмочь все эти невзгоды, требовалось не только личное мужество, незаурядная сила воли, но и помощь окружающих его людей.

На протяжении всего этого времени ближайшим человеком, другом, женой Островского была Агафья Ивановна.

Кто она? Какие достоинства привлекали к ней драматурга? Чем она могла способствовать преодолению лишений и препятствий, стоявших на его жизненном и творческом пути?

1

Александр Николаевич познакомился с Агафьей Ивановной, по-видимому, в 1846 г. или в самом начале следующего года. В 1847 или в 1848 г. у них уже родился сын Алексей.

При отсутствии условий для его воспитания он был помещен временно в воспитательный дом.

Вскоре Агафья Ивановна переехала в Николоворобинский переулочек, где жил Островский.

В конце 1847, а может быть и в начале 1848 г. вместе со своей тринадцатилетней сестрой Натальей Ивановной, Агафья Ивановна поселилась в доме № 355, принадлежавшем отставному поручику Елисею Михайловичу Айдарову¹. Дом Айдарова соседствовал с главным домом Островского (№ 357). Оба они располагались по левой стороне Николоворобинского переулка, если идти по нему сверху вниз, от церкви Николы.

По исповедной ведомости в 1848 г. Агафье Ивановне было 26 лет² — возраст, записанный дьячком Николоворобинской церкви со слов самой Агафьи Ивановны. По тем же ведомостям ей в 1849 г. 25 лет, в 1850 г. — 26, в 1854 г. — 30³. В 1867 г., вероятно, со слов ее сестры, ей исполнилось 42 года.

Как видим, эти колебания незначительны; она ровесница Островского, а если и старше его, то на 1,5—2 года.

Во всех известных нам документах Агафья Ивановна значится московской мещанкой. Но в исповедной книге у Николы, что в Воробине, за 1850 г. ее сестра, Наталья Ивановна, именуется вольноотпущенной г. Милорадовича. Следует предположить, что и Агафья Ивановна тоже вольноотпущенная г. Милорадовича, записанная в мещанки г. Москвы.

В начальный период знакомства Александра Николаевича и Агафьи Ивановны у них были какие-то недоразумения, но они вскоре уладились.

ОСТРОВСКИЙ

Фотография, конец 1860-х гг.

Центральный театральный музей,
Москва

Об укрепляющихся отношениях Островского с Агафьей Ивановной свидетельствует письмо Н. Н. Ягужинского 2 апреля 1849 г. к Агафье Ивановне. Ягужинский, малограмотный, но весьма любознательный, на редкость жизнерадостный, остроумный человек, по профессии межевой, прилепившись к Островскому, сопровождал его в походах на рыбную ловлю, готов был стать и его слугой. В чем-то сильно провинившийся перед Александром Николаевичем и принужденный выехать в Тамбов, Николай Никитич просил походатайствовать за него перед Островским именно Агафью Ивановну.

«Благодарю вас,— пишет Николай Никитич,— за последнее для меня утешительное ходатайство у Александра Николаевича, много вам за все обязан, жалею, что Александр Николаевич не хотел со мной проститься, я знаю по какому чувству он этого не сделал и я дотога был занят этим всю дорогу, что не могу никак вам передать, что это такое, и тогда, когда его у вас не застал, знал уже, что он услышавши от вас мой приход и что я желаю с ним проститься, он услышавши это ускорил уйти от вас. Совесть в людях всех общий закон, чувство неотвлеченное, но признательное. Попросите вторичного прощения за мои неразумные против его поступки, поклонитесь ему от древнего слуги Николая, я всегда считал и умру с чувством к нему как к благодетелю, одно меня убивает всегда, что я не могу жить с подобным так как бы надо что делать не умею и Александр Николаевич все это знал и знает на мою вину (на половину), чтобы отдалить меня, делать мне было нечего должен был покориться силе и разуму, его, жалею, что я до сих пор еще глуп, но Александр Николаевич это знает. Прошу вас расцелуйте его, прижмите к сердцу с таким чувством, как я люблю его, приласкайте его, как бы я всегда послужил ему, взгляните на него, как бы я желал вечно не изменять ему ни мысленно, ни делом, дай бог ему всякого счастья, я все чувствую и помню сделанное им для меня добро. Ежели бы ни дом Островских, то я бы до старости ничего не постиг и не понимал на свете и все это дал мне мой наставник, добрый Александр Николаевич!

Остаюсь слуга Н. Я г у ж и н с к и й. Заочно со всеми христосываюсь и целую, приеду на место напишу вам»⁴.

К Островскому Агафья Ивановна переехала летом или осенью 1851 г. Вероятно, тогда же был взят из воспитательного дома Алексей. «Как поживают, — спрашивает Александра Николаевича в 1851 г. его знакомая из Ржева (Башилова?), — Агафья Ивановна и Лена»⁵.

По исповедной книге церкви Николы, что в Воробине, за 1852 г. Агафья Ивановна числится живущей уже в доме не Айдарова, а Островских⁶.

Вслед за Алексеем у Островского и Агафьи Ивановны появились и другие дети. Сколько их было?

М. И. Семевский, извещая 26 октября 1855 г. своего учителя Г. Е. Благосветлова о посещении им Островского, пишет: «В Серебряном переулке, у Николы Воробина <...> я набрел на собственный деревянный домик Островского <...> По темной и грязной деревянной лестнице я поднялся в мезонин, где живет гениальный комик. Едва я открыл дверь (по обычаю московскому, незапертую), две собачонки бросились мне в ноги. За собачоной явился мальчик с замазанной мордочкой и с пальцем во рту — знак, выражавший его изумление при взгляде на офицера, забредшего в такую пору; за мальчиком виднелся другой, за другим с вытаращенными глазами смотрела на меня кормилица с грудным младенцем»⁷.

Старший мальчик — Алексей, младший — Николай, а имя грудного младенца остается для нас неизвестным.

В 1857 г. у Островского родился четвертый сын. Е. Э. Дрианский, осведомляя Островского, путешествовавшего по Волге, о его семье, 5 мая 1857 г. сообщал: «Вчера я был у Агафьи Ивановны: она возится с сыпленком — а тот кричит на весь дом, Николка вертится тут же подле короба с новорожденным, а сапоги на нем — настоящий китаец! и вдобавок голое гузко»⁸.

Имя четвертого сына драматурга остается также неизвестным.

В 1857 г. Алеша готовился к поступлению в гимназию. 19 мая И. Ф. Шестаков извещал драматурга: «Алексея вашего студент надеется непременно приготовить и очень доволен его занятиями».

Алеша вступительные экзамены сдал. В 1859 г., в исповедной книге церкви Николы, что в Воробине, Алексей Александрович Александров, 12 лет, записан как ученик 2-й Московской гимназии. До этого он числился питомцем воспитательного дома⁹.

2

Агафья Ивановна не была женщиной образованной. Она могла писать, но плохо, с трудом, а потому отваживалась на письма с крайней неохотой и в исключительных случаях.

Вот образец ее весьма лапидарных эпистолярных опытов. 19 мая 1857 г. в письме И. Ф. Шестакова к драматургу она приписывает:

«Письмо твое я получила, в котором ты пишешь об деньгах. Деньги ни с кого не могу получить — все каждое воскресенье обещаются отдать. Я тебе советую, чтоб ты на эти деньги не надеялся»¹⁰.

15 июля 1860 г. она извещала Островского, отправившегося вместе с Мартиновым в Одессу:

«Мы, слава богу, живы и здоровы. Михаила Николаевича ждем сегодня. Григорьев переехал в Москву жить, он вчера был у нас и тебе кланялся. Я была в Кунцеве, видела Сергея Семеныча <Кошеверова. — А. Р.> с компанией, он очень рад, что получил от тебя письмо. Иван Григорьевич также тебе кланяется и Иван Егорович также кланяется»¹¹.

Важно отметить, что Агафья Ивановна, простая, малограмотная девушка из мещанской среды, не блистала и внешнею красотой. С. В. Максимов, давший ей наиболее

подробную характеристику, прямо пишет, что «в ее наружности не было ничего привлекательного»¹². М. И. Семевский, касаясь ее внешнего облика, не мог сказать более того, что она «недурна собой»¹³. П. Д. Боборыкин, видевший ее в конце 50-х годов, назвал ее «не старой, полной женщиной», которую бы он «затруднился признать сразу тогдашней подругой писателя»¹⁴.

Она привлекала к себе прежде всего оптимизмом, жизнедеятельностью; душевной щедростью и разумностью. Это была на редкость уравновешенная; добрая, гостеприимная, общительно-ласковая женщина.

Семевский называет Агафью Ивановну «хозяйюшкой предобродушной, милой, чисто русской»¹⁵.

Максимов особо отмечает ее «сердечность ко всем окружавшим Александра Николаевича <...> Все, что было в печи, ставилось на стол с шутивными приветами, с ласковыми приговорами. Беззаботное и неиссякаемое веселье поддерживалось ее деятельным участием»¹⁶.

Агафья Ивановна отличалась необыкновенным умом народного самородка и спокойствием умиротворяющего характера. Недаром ближайшие друзья Островского, шутя, приравнивали ее «к типу Марфы Посадницы»¹⁷. Не случайно в одном из писем к Островскому Писемский просит поклониться «матери Агафии»¹⁸.

Жизнерадостная Агафья Ивановна являлась большой любительницей русской песни и, обладая незаурядным голосом, хорошо их исполняла. По свидетельству Максимова, «она прелестным голосом превосходно пела русские песни, которых знала очень много»¹⁹. Этим самым она укрепляла связи драматурга с устной народной поэзией.

Агафья Ивановна была великолепной хозяйкой, идеальной домоправительницей.

О необходимости крайней экономии она постоянно напоминала и драматургу. Так, в марте 1853 г., когда Островский находился в отъезде из Москвы, она просит через К. Мальцева, чтобы он «скорей приезжал и тратил как можно меньше денег»²⁰.

В хозяйственных делах, как это следует из уже приведенных ее строк к драматургу 19 мая 1857 г., она обладала большей, нежели он, трезвостью.

Экономия во всем, Агафья Ивановна старательно прикрывала скудость материальных средств Островского и стремилась к тому, чтобы создавать при этом даже видимость довольства.

«Наглядными фактами, — вспоминает Максимов, — убеждались <мы> в том, что ее искусному хлопотливому уряду обязана была семейная обстановка нашего знаменитого драматурга тем, что, при ограниченных материальных средствах, в простоте жизни было довольство быта <...> Не от избытков средств теплился и светлел приветливый очажок у Серебряных бань, когда нижний этаж дома отдавался жильцам, а сам хозяин ютился сначала и долгое время наверху. Борьба с нуждой велась незримо для посторонних глаз, но ясна была для окружающих, а от близких и доверенных <лиц> в крайних случаях и не скрывалась»²¹.

Агафья Ивановна настолько глубоко знала московское мещанство и купечество, их нравы, обычаи, язык, что оказалась полезной в этом смысле и Островскому.

Максимов удостоверяет: «Хорошо понимала она и московскую купеческую жизнь в ее частностях, чем, несомненно, во многом послужила своему избраннику. Он сам не только не чуждался ее мнений и отзывов, но охотно шел к ним навстречу, прислушивался, советовался и многое исправлял после того, как написанное прочитывал в ее присутствии, и когда она сама успевала выслушать разноречивые мнения разнообразных ценителей. Большую долю участия и влияния приписывают ей вероятные слухи при создании комедии «Свой люди — сочтемся!», по крайней мере относительно фабулы и ее внешней обстановки. Сколь ни опасно решать подобные неуловимые вопросы положительным образом с полной вероятностью впасть в грубые ошибки, тем не менее влияние на Александра Николаевича этой прекрасной и выдающейся личности — типичной представительницы коренной русской женщины идеального образца — было и бесспорно и благотворно»²².

Ссылаясь на приятелей Островского, о том же пишет и Боборыкин: «Ей он — по уверению этих приятелей — был многим обязан по части знания быта и, главнее,

языка, разговоров, бесчисленных оттенков юмора и красноречия обитателей тех московских урочищ»²³.

Агафья Ивановна любила Александра Николаевича самозабвенно. В нем она видела и большого человека и выдающегося драматурга. Это к ней относятся слова дневника «Путешествие в Щелыково», зачеркнутые Островским: «образ женщины плачущей, страдающей, любящей»²⁴.

Не жалея сил, Агафья Ивановна создавала для Островского домашнюю обстановку уюта, покоя и мира.

Она очень беспокоилась, когда драматург находился в отъезде. 13 марта 1853 г. К. Мальцев сообщает Александру Николаевичу: «Пишу у вас в доме, Агафья Ивановна сильно тоскует по вас и как заговоришь, так и плачет»²⁵.

Агафья Ивановна не жалела сил, чтобы оказать любую помощь окружавшим ее людям, знакомым.

М. Н. Островский в 1854 г. в письме к брату просит: «Поблагодари от меня Агафью Ивановну за участие, которое она принимала в высылке книг и за присылку мне билета на получение их»²⁶.

Писемский, испытавший на себе ее заботы во время болезни, когда ему пришлось жить у Островского, 6 января 1858 г. пишет Александру Николаевичу: «Агафье Ивановне кланяйся и скажи, что супруга моя, за сохранение моей особы в бытность мою в Москве, душевно желает ей сделать презент»²⁷.

Щедрое сердце и мудрый ум, жизнерадостность и уравновешенность, хозяйственность и приветливость Агафьи Ивановны вызывали к ней самые искренние симпатии всех ближайших друзей драматурга. Ее уважали, любили и читали.

Приятели Островского в своих письмах к нему никогда не забывали поклониться Агафье Ивановне. Вот несколько примеров: Писемский — «поклонись и поцелуй за меня Агафью Ивановну»²⁸; Ф. А. Бурдий — «мой душевный поклон Агафье Ивановне»²⁹; С. И. Турбин — «мой привет Агафье Ивановне»³⁰; П. И. Якушкин — «низко кланяюсь Агафье Ивановне»³¹; А. Н. Плещеев — «Т. И. Филиппов пишет ко мне и просит передать Агафье Ивановне свое душевное соболезнование, относительно ее нездоровья <...> и уверение — в его уважении и преданности»³².

Максимов, завершая свою проникновенную характеристику Агафьи Ивановны, написал: «Заново эти строки в свои воспоминания как слабую дань нашего общего и искреннего уважения к памяти давно почившей, но незабвенной для всех нас до сего времени»³³.

Свидетельством больших достоинств Агафьи Ивановны служит и то, что ее очень уважал М. Н. Островский, весьма строгий в своих оценках людей. Он прислушивался к ее мнениям, например, о Филиппове, которого она не любила. Объясняя брату причины, по которым он взял Т. И. Филиппова своим помощником, Михаил Николаевич заключает свое письмо следующими словами: «Так как из твоего письма я вижу, что и Агафья Ивановна не одобряет моего выбора, то я желал бы, чтобы и она прочла написанные мною строки»³⁴. В письмах к Агафье Ивановне он подписывается: «любящий вас»³⁵, «сердечно преданный вам»³⁶.

27 сентября 1866 г., узнав об ухудшении состояния Агафьи Ивановны, он пишет Александру Николаевичу: «Очень жалею, что Агафья Ивановна все хворает. Неужели нет средств помочь ей?»³⁷

3

Мы не располагаем точными сведениями о причинах, по которым брак Островского с Агафьей Ивановной был гражданским, а не церковным, т. е. официально тогда признанным браком.

По изустным преданиям, идущим от ближайших родственников драматурга, его отец и мачеха (Эмилия Андреевна) не могли простить ему связи с Агафьей Ивановной, не признавали ее и всячески противились их церковному браку.

Будто бы и сама Агафья Ивановна не соглашалась на предложение Александра Николаевича оформить их гражданский брак официально, считая, что она, малогра-

Эскизы костюмов БЕРЕНДЕЕК К ПОСТАНОВКЕ «СНЕГУРОЧКИ» В ТЕАТРЕ
С. И. ЗИМИНА

Акварель Ф. Ф. Федоровского, 1909 г.
Центральный театральный музей, Москва

мотная женщина, не соответствует Александру Николаевичу, что ее связь с ним вменяемая. Думается, что так оно и было. М. М. Шателен, внучка Островского, 19 июня 1960 г. писала автору этой статьи: «Насколько мне известно, причина неоформленного брака Александра Николаевича с Агафьей Ивановной лежала в ней самой. Она не соглашалась на «законный» брак, чтобы не мешать ему, не осложнять взаимоотношений с его родными. Кроме того, она считала, что она, простая женщина, ему «не пара».

Стесняясь своей «простоты», Агафья Ивановна ни в какие общественные собрания (в купеческий или дворянский клуб, в театры) не выезжала, всегда хоронила от мало знакомых людей, навещавших драматурга. Она появлялась и во всей своей непосредственности раскрывалась лишь перед ближайшими друзьями Островского.

Как относился Александр Николаевич к Агафье Ивановне?

С самым глубочайшим уважением и сердечной теплотой. Он называл ее ласково — Ганя. В дневнике первого своего путешествия по верховьям Волги (1856), находясь в Твери, он в воскресенье 29 апреля записывает: «Ездил на дорогу встречать Ганю». В среду, 2 мая, он отмечает: «В понедельник до вечера просидел с Ганей дома» (XIII, 224).

Драматург всегда подчеркивал свое единство с Агафьей Ивановной. 7 или 8 ноября 1861 г., прося С. С. Кошеверова о денежном одолжении, драматург сообщал: «у нас с Ганей ни копейки, и оба мы нездоровы» (XIV, 93). 8 или 9 сентября 1866 г. он писал Бурдину: «Любезнейший друг, мы с Агафьей Ивановной, зная твою аккуратность, были в большом недоумении, отчего ты не отвечаешь на письмо мое, адресованное к тебе 12 августа» (XIV, 136).

Во второй половине декабря 1866 г. драматург, высказываясь об игре Бурдина в роли Минина, признавался: «А я, с Иваном Егоровичем и с Агафьей Ивановной, совершенно забывая о пьесе и точно так же относясь к ней, как к чужой, говорил вот что: «Дай бог, чтоб Федя сыграл эту роль хорошо» (XIV, 150).

Драматург трогательно заботился о здоровье Агафьи Ивановны и всячески стремился обеспечить ее хозяйственные нужды. При отъездах из Москвы он поручал своим друзьям навещать и, по возможности, опекать ее. 13 марта 1853 г. Е. Н. Эдельсон пишет Островскому, находящемуся в Костроме: «Мальцев сообщает мне точные известия о надобностях Агафьи Ивановны, и они удовлетворяются, впрочем, пока это случилось только однажды, именно по случаю дров»³⁸.

5 мая 1857 г. Е. Э. Дрилянский уведомляет Островского, находящегося в командировке от Морского министерства, что Агафья Ивановна «здорова и все вокруг благополучно»³⁹.

Совершая в 1865 г. вместе с Горбуновым поездку по Волге, Александр Николаевич просил Н. А. Дубровского «сходить к Николе Воробьино и исследовать, в каком состоянии здоровье Агафьи Ивановны, насколько процветает сад и все прочее, и немедленно уведомить меня» (XIV, 131).

4

Агафья Ивановна рано начала болеть и в последние годы своей жизни большую часть времени была прикована к постели. За ней ухаживала ее сестра — Наталья Ивановна, жившая в связи с этим в доме Островских.

А между тем по самому роду своей деятельности Островский не мог замкнуться в узкие рамки семейно-бытовой обстановки.

Он должен был появляться на репетициях своих пьес, на собраниях Артистического кружка, на литературных вечерах и спектаклях. Ему, по природе весьма общительному, доставляло удовольствие бывать у своих друзей — литераторов и артистов.

Островский был человеком увлекающимся. При жизни Агафьи Ивановны наиболее сильные его увлечения Л. П. Косицкой-Никулиной и М. В. Васильевой.

Работая как режиссер с Л. П. Косицкой-Никулиной над ролями Авдотьи Максимовны в комедии «Не в свои сани не садись», Анны Ивановны в комедии «Бедность не порок» и Катерины в трагедии «Гроза», Островский в конце 1850-х годов глубоко полюбил эту необычайно даровитую артистку. «Мочалов в юбке», — так ее называли в ту пору. Но любовь Островского не нашла отклика со стороны Косицкой-Никулиной⁴⁰.

Вероятно, в начале 1864 г. Островский увлекся тогда только что выпущенной из театральной школы М. В. Васильевой. 27 декабря 1864 г. у них появился первый ребенок. Но Островский не порывал своих духовных связей с Агафьей Ивановной.

Она оставалась ему близким, дорогим человеком, верным другом. Агафья Ивановна, по-видимому, знала об отношениях Островского с М. В. Васильевой.

М. М. Шателен, в уже цитированном письме, сообщает: «О наличии Марьи Васильевны Агафья Ивановна знала и притом, как будто бы, от самого Александра Николаевича, не считавшего возможным скрывать от нее свои взаимоотношения с Марьей Васильевной».

По уверению Н. А. Никулиной, ученицы Островского и подруги М. В. Васильевой, Агафья Ивановна не только знала о взаимоотношениях Александра Николаевича и Марьи Васильевны, но, «умирая благословила их обоих» на церковный брак⁴¹.

К этому времени умерли, кроме Алексея, все ее дети. Алеша и после ее смерти жил в доме своего отца. 26 июня 1867 г. М. Н. Островский извещал Александра Николаевича, находившегося в Щелыкове: «Я дал Алеше 25 рублей»⁴². Но Алеша пережил свою мать всего на 7 лет. Он умер в 1874 г.

Трогательную заботу об Агафье Ивановне драматург проявлял до самого последнего часа ее жизни.

Так, например, 24—25 сентября 1866 г. он уведомляет Бурдина: «Агафью Ивановну, безнадежно больную, я не могу оставить даже на один день (...) И нездоровится, и тоска, Агафья Ивановна все хворает, и я уж теряю всякую надежду» (XIV, 138).

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ И ДЕЙСТВИЯ К ПОСТАНОВКЕ «ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА»

Акварель С. П. Сергеева

Студия Малого театра, 1927 г.

Центральный театральный музей, Москва

23—25 октября того же года он извещает Бурдина, что Агафье Ивановне «несколько лучше», тон его писем становится бодрее (XIV, 142).

Но 27—28 октября он снова в горестном настроении: «я едва держу перо в руках, постоянное сиденье за работой, бессонные ночи по случаю нездоровья Агафьи Ивановны расстроили совершенно мои нервы» (XIV, 144).

Во второй половине января 1867 г. Агафье Ивановне стало лучше и Островский 2 февраля сообщает Бурдину: «И вот уже две недели я отдыхаю душой» (XIV, 152).

Это улучшение оказалось обманчивым.

Агафья Ивановна умерла 6 марта 1867 г., как записано в метрической книге, «от водяной болезни». Отпевали ее 9 марта в церкви Николы, что в Воробине, а похоронили на Пятницком кладбище⁴³.

Островский очень тяжело переживал утрату Агафьи Ивановны. Глубоко понимая брата, М. Н. Островский писал ему 9 марта: «От всего сердца сочувствую я твоему горю, и вместе с тобою оплакиваю твою утрату. Утрата твоя незаменима и утешать тебя в эту минуту неуместно»⁴⁴.

Прошло два года после кончины Агафьи Ивановны, прежде чем Островский решил вступить во второй брак, уже церковный, с М. В. Васильевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы, составленного А. Хотевым». М., 1852—1853, стр. 75.

² ГИАМО.— Исповедные книги церкви Николы, что в Воробине, за 1848 г.

³ Там же.— Исповедные книги церкви Николы, что в Воробине, за 1849—1854 гг.

- ⁴ ГЦТМ, ф. 200, № 82, 2877. — Письмо печатается без сохранения его орфографических особенностей.
- ⁵ Письмо А. Н. Островскому от неизвестной. — ГЦТМ, ф. 200, № 22. 643.
- ⁶ ГИАМО. — Исповедные книги ц. Николы, что в Воробине, за 1852 г.
- ⁷ М. И. Семевский. Встречи с А. Н. Островским в Москве. — «Островский в воспоминаниях современников», стр. 127.
- ⁸ ГЦТМ, ф. 200, № 82. 2718.
- ⁹ ГИАМО. — Исповедные книги церкви Николы, что в Воробине, за 1857 г.
- ¹⁰ ГЦТМ, ф. 200, № 25555 (67 828).
- ¹¹ ГЦТМ, ф. 200, № 86936. — Возможно, что это письмо Агафья Ивановна диктовала, а писал его Алеша.
- ¹² С. В. Максимов. А. Н. Островский. — «Островский в воспоминаниях современников», стр. 82.
- ¹³ М. И. Семевский. Встречи с А. Н. Островским в Москве. — Там же, стр. 128.
- ¹⁴ П. Д. Боборыкин. Островский на любительской сцене. — Там же, стр. 186.
- ¹⁵ М. И. Семевский. Путевые очерки, заметки, наброски. Поездка по России в 1888 году. Москва. — «Русская старина», 1889, № 4, стр. 223.
- ¹⁶ С. В. Максимов. Указ. соч., стр. 87—88.
- ¹⁷ Там же, стр. 87.
- ¹⁸ А. Ф. Писемский. Материалы и исследования. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 84.
- ¹⁹ С. В. Максимов. Указ. соч., стр. 88.
- ²⁰ «Неизданные письма», стр. 132.
- ²¹ С. В. Максимов. Указ. соч., стр. 87—88, 123.
- ²² Там же, стр. 88.
- ²³ П. Д. Боборыкин. Островский на любительской сцене, стр. 186. См. также: М. И. Семевский. Путевые очерки..., стр. 223.
- ²⁴ «Дневники и письма», стр. 199.
- ²⁵ «Неизданные письма», стр. 632.
- ²⁶ М. Н. Островский — Островскому 1854 г. — ГЦТМ, ф. 200, № 8688 $\frac{1}{2}$. В письме 22 августа 1856 г. Михаил Николаевич благодарит «любезную» Агафью Ивановну за двукратную присылку денег — 50 руб. серебром. — Там же, № 82/1618.
- ²⁷ А. Ф. Писемский — Островскому 26 июня 1855 г. — А. Ф. Писемский. Материалы и исследования, стр. 115—116.
- ²⁸ Там же, стр. 353. См. также: стр. 355, 361, 374, 378.
- ²⁹ Ф. А. Бурдин — Островскому 22 ноября 1863 г. — «Островский и Бурдин», стр. 12. См. также стр. 6, 8, 14, 15 — 17, 19 — 23, 34, 35, 38, 47, 48, 51, 54, 58, 61, 62, 64.
- ³⁰ С. И. Турбин — Островскому 30 октября 1866 г. (?) — «Неизданные письма», стр. 383.
- ³¹ П. И. Якушкин — Островскому 7 ноября 1867 г. — Там же, стр. 656. См. также стр. 657.
- ³² А. Н. Плещеев — Островскому 1865 г. — Там же, стр. 399.
- ³³ С. В. Максимов. Указ. соч., стр. 88.
- ³⁴ М. Н. Островский — Агафье Ивановне 7 июля 1860 г. — ГЦТМ, ф. 200, № 82/1647.
- ³⁵ М. Н. Островский — А. Н. Островскому 5 марта 1864 г. — Там же, № 86 967.
- ³⁶ М. Н. Островский — Агафье Ивановне 19 июня 1864 г. — Там же, № 20 672.
- ³⁷ Там же, № 20687.
- ³⁸ «Неизданные письма», стр. 631.
- ³⁹ Там же, стр. 116.
- ⁴⁰ А. И. Ревякин. Жизненный прототип Катерины (к творческой истории пьесы «Гроза» А. Н. Островского). — Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. XXVIII, 1951.
- ⁴¹ Н. А. Никулина. Об Островском. — «Театр», 1911, № 164, 27/28 ноября.
- ⁴² ГЦТМ, ф. 200, № 20 700.
- ⁴³ ГИАМО. — Метрическая книга церкви Николаевской, что в Воробине, за 1867 г.
- ⁴⁴ ГЦТМ, ф. 200, № 20 697.